

Тэн Ипполит

Очерки Англии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И76

И76 **Ипполит Т.**
Очерки Англии / Тэн Ипполит – М.: Книга по Требованию, 2024. – 322 с.

ISBN 978-5-519-78083-4

ISBN 978-5-519-78083-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОЧЕРКИ АНГЛИИ.

Сочиненіе Генри Тэна.

I.

Внѣшняя Жизнь.

Іюнь 186.... въ морѣ (').

Одинадцать часовъ. Булонь удаляется и исчезаетъ на горизонтѣ. Лѣсъ мачтъ и снастей тонетъ въ неизмѣримомъ мракѣ, свѣтящіеся огни мало по малу меркнутъ и вскорѣ на небосклонѣ остается лишь группа блѣдныхъ звѣздъ.

Странное и глубокое ощущеніе; море безмолвно и надъ нимъ виситъ неподвижный туманъ. Все исчезло. Только одинъ вертящійся маякъ освѣщаетъ время отъ времени мерцающимъ отблескомъ проходящую волну. Точно вступишь въ царство безмолвія и пустоты, въ безцвѣтный неопределенный міръ того что не существуетъ. Мракъ царствуетъ повсюду громадный, безпредѣльный. Корабль углубляется въ этотъ мракъ и исчезаетъ въ немъ. Еще недавно можно было различить со стороны кормы неясную окраску отдаленной земли; а теперь вокругъ корабля, со всѣхъ сто-

(') Очерки эти составляютъ результатъ пребыванія въ Англіи въ 1861—1862 г.—Прим. автора.

ронъ только движущаяся, черная масса. Поглощенный такимъ образомъ онъ все же подвигается впередъ и, руководимый вѣрнымъ инстинктомъ, разсѣкаетъ невидимый міръ. Подобнъ пастъко-мому, онъ неуклонно дѣйствуетъ своими стальными лапами, вздымая пѣнистыя волны, которыя сіяютъ то какъ опалъ, то какъ перламутръ. Внимательно слѣдишь за передними этими волни; брилліанты и жемчугъ перекатываются по ихъ крижу, а тѣнистая окрестность образуетъ искусно отдѣланную, матово-серебряную рамку, для зерцала ночи.

На Темзѣ.

Солнце встало уже съ полчаса, но его не видно; только на западѣ замѣтенъ просвѣтъ, а все остальное покрыто облаками. На востокѣ безпредѣльное море застилаетъ горизонтъ; на право и на лѣво отъ корабля отдаленная, узкая полоса выходитъ изъ воды; это земля, и въ туманѣ мы начинаемъ различать ея зеленоватыя изгибы.

Мы приближаемся; но въ этомъ громадномъ лиманѣ земля такая плоская, такая незначительная, что кажется топкимъ болотомъ; отъ сырости тускнѣетъ колоритъ; всѣ цвѣта мягки и слабы, точно въ блѣдной акварели, по которой ребенокъ размазалъ пальцемъ нѣсколько капель воды.

На право виднѣтся берегъ; вотъ уже настоящій англійскій пейзажъ, который я видѣлъ въ прошломъ году изъ Ньюгэвена въ Лондонѣ: блѣдно-зеленоватыя холмы, перерѣзанные изгородями и устѣянные одинокими деревьями; огороженные пастбища, въ которыхъ пасется скотина, безъ всякаго присмотра. Это Бельгія, но не такая плоская и гладкая, блестящая на солнцѣ, очень скучная и мрачная въ дождливое время, что случается такъ часто!

Рѣка громадная, но грязная, мутная, съ различными мрачными оттѣнками; извиваясь между отлогими, тонкими берегами, она то заливаетъ ихъ, то снова отступаетъ; угольный дымъ, наполняющій атмосферу, придаетъ ей мелкимъ, вздымающимся волнамъ печальный видъ; такимъ образомъ течетъ Темза, синеватая, мутная, и о полезная; это единственный въ своемъ родѣ работникъ и носиль-

шикъ, на могучемъ хребтѣ котораго уже появляется цѣлый рядъ нагруженныхъ кораблей, большихъ, маленькихъ, всякой формы и величины.

Разговоръ съ англичаниномъ средняго сословія: — это, я полагаю, сынъ купца и не совершенный джентльменъ: онъ не знаетъ ни по французски, ни по нѣмецки, ни по итальянски. Ему двадцать пять лѣтъ, выраженіе лица насмѣшливое, рѣшительное, рѣзкое; онъ только что совершилъ для удовольствія и назиданія путешествіе, продолжавшееся цѣлый годъ и теперь возвращается изъ Индіи и Австраліи. Всего онъ изѣздилъ сорокъ тысячъ миль. «Чтобъ познакомиться съ народами, говоритъ онъ, надо ихъ повидать».

Онъ изъ Ливерпуля. Тамъ, по его словамъ, семейство, не держащее экипажа, можетъ жить прилично на триста или четыреста фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода. Конечно надо жениться, это въ порядкѣ вещей; онъ надѣется исполнить эту необходимую обязанность черезъ два или три года. Лучше остаться холостымъ, если не встрѣтишь женщины, съ которой пожелалъ бы провести всю свою жизнь. «Но ее непременно встрѣтишь; надо только не пропустить ее». Онъ встрѣчалъ нѣсколько разъ подобныхъ женщинъ во время своей юности, но тогда онъ не былъ довольно богатъ; теперь же, достигнувъ «независимости», онъ будетъ прилежно искать жены. Приданаго не надо. Напротивъ, естественнѣе и даже пріятнѣе взять на свое попеченіе бѣдную жену и ея семейство. «Если ваша жена добра и любитъ васъ, то это за все васъ вполне вознаграждаетъ».

Ясно, что для англичанина счастье заключается въ томъ, чтобъ имѣть свой домашній очагъ, вѣрную и любезную жену, четверо или пятеро дѣтей и почтительную прислугу. На пароходѣ у насъ есть семейство, состоящее изъ четырехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему четыре съ половиной года, а матери двадцать три или двадцать четыре. На водахъ, на морскомъ берегу, я часто видѣлъ цѣлыя семьи, отца, мать и длинный рядъ дѣтей, отъ груднаго ребенка до восемнадцатилѣтней дѣвушки. Родителей это нисколько не обременяетъ. По словамъ моего англичанина, они обязаны дать дѣтямъ только образованіе; дочери выходятъ замужъ безъ приданаго, сыновья вывертываются какъ умѣютъ. Я знаю одного стряпчаго, который вырабатываетъ много де-

пегъ и всѣ ихъ проживаетъ, кромѣ трехъ или четырехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, которые онъ платитъ въ видѣ процентовъ за страхованіе своей жизни, въ пользу дѣтей; при рожденіи каждаго новаго ребенка, онъ вновь застраховываетъ свою жизнь въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, которые выпла- тятся ребенку, по смерти отца. Такимъ образомъ ребенокъ обез- печенъ, да къ тому же торговля и промышленность доставляютъ ему много средствъ къ жизни, которыхъ недостаетъ у молодого француза.

Изъ всѣхъ странъ, видѣнныхъ моимъ собесѣдникомъ, Англія «самая нравственная.» Но все же, по его мнѣнію, главное зло англійской націи заключается «въ недостатокъ нравственности.» Вслѣдствіе этого, онъ судитъ Францію по англійски. «Женщины тамъ дурно воспитаны, не читаютъ библіи, слишкомъ любятъ ба- лы, занимаются только одиѣми тряпками. Мужчины ходятъ въ кофейныя и имѣютъ любовницъ, отъ этого такъ много несчаст- ныхъ супружествъ. Причина тому заключается не въ расѣ, а въ системѣ воспитанія. Француженки, воспитанныя въ Англіи серь- езно, по англійски, дѣлаются отличными женами.

— Въ вашей странѣ все хорошо?

— Нѣтъ, есть ужасный, національный порокъ — пьянство. Человѣкъ, зарабатывающій двадцать шиллинговъ въ недѣлю, про- пиваетъ изъ нихъ десять. Прибавьте къ этому неосмотрительность, недостатокъ работы и нищету.

— Но въ случаѣ несчастія, у васъ есть дома для бѣдныхъ (workhouses)?

— Они туда не идутъ, они предпочитаютъ умирать съ го- лоду.

— Почему?

— По тремъ причинамъ: во первыхъ они хотятъ пить въ во- лю, во вторыхъ они терпѣть не могутъ заключенія, въ треть- ихъ требуются нѣкоторыя формальности; надо доказать, что при- надлежишь къ приходу, а большинство ихъ не знаетъ гдѣ роди- лись, или считаютъ слишкомъ затруднительнымъ выправить не- обходимыя бумаги.

Мой собесѣдникъ очень разговорчивъ и вовсе не жеманный. Два другіе англичанина, съ которыми я разговаривалъ на паро- ходѣ, совершенно походятъ на него; я всегда находилъ у англи-

чанъ это расположеніе, и если они славятся совершенно противоположными качествами, то вѣроятно потому, что въ чужихъ странахъ принужденные говорить на незнакомомъ языкѣ, они молчатъ изъ застѣнчивости и изъ боязни насмѣшекъ. Заговорите съ ними по англійски плохо, съ дурнымъ произношеніемъ, и они тотчасъ становятся другими людьми, чувствуя свое превосходство. Если вы обратитесь къ нимъ съ учтивымъ, скромнымъ вопросомъ, или попросите оказать вамъ маленькую услугу, они очень предупредительны и даже любезны. Я это испыталъ двадцать разъ, въ прошломъ году въ Лондонѣ и повсюду въ Англіи.

На пароходѣ есть еще другіе англичане. Двѣ молодыя четы сидятъ на палубѣ, завернувшись въ плады, подъ воптиками; не смотря на сильный дождь они сидятъ спокойно, мокрые какъ утки; и все это для того, чтобъ мужу и женѣ не разлучаться въ каютахъ. Другая молодая женщина страдаетъ морскою болѣзною; ея мужъ по видимому прикащикъ, беретъ ее на руки, поддерживаетъ ей голову, читаетъ ей вслухъ и вообще ухаживаетъ за нею съ удивительною нѣжностью. Двѣ молодыя дѣвушки пятнадцати и шестнадцати лѣтъ говорятъ очень хорошо по нѣмецки и по французски; у нихъ большіе, живые глаза, и большіе, бѣлые зубы; онѣ болтаютъ и смѣются съ откровенной свободой и восхитительнымъ добродушіемъ; въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни кокетства, или нашихъ заученныхъ, вытверженныхъ ужимокъ; имъ и въ голову не приходитъ обращать на себя вниманіе другихъ. — Сорокалѣтняя дама въ очкахъ, съ остатками женскихъ прелестей, съ необыкновенными зубами въ родѣ клыковъ, въ измятомъ платьѣ, держитъ себя очень серьезно, но чрезвычайно смѣшно; французенка, хотя и зрѣлыхъ лѣтъ, никогда не забудетъ оправить и гриціозно расположить свое платье. Терпѣливый, флегматическій, сухощавый англичанинъ все время не покидаетъ своего дивана и только одинъ разъ прошелся по палубѣ; онъ не говоритъ ни съ кѣмъ, не нуждаясь ни въ комъ. Въ противоположность ему, три француза обращаются съ вопросами на право и на лѣво, утверждаютъ зря, выходятъ изъ себя, размахиваютъ руками и дѣлаютъ сомнительные каламбуры; они невольно кажутся милыми шалунами.

Мало по малу облака разсѣялись и небо прояснилось. На право и на лѣво мелькаютъ маленькія дачи, хорошенькія, заново вы-

крашенныя. На горизонтѣ виднѣются зеленые дуга и деревья, разбросанныя тамъ и сямъ, по одиночкѣ и группами. На лѣво темные домики Гревзенда гнѣздятся вокругъ его голубоватой колокольни. Корабли, магазины умножаются. Чувствуешь приближеніе большаго города. Маленькія пристани выдвигаются въ рѣку на пятьдесятъ футовъ надъ блестящимъ, сухимъ пломъ, который періодически обнажается приливомъ. Съ каждой минутой все очевиднѣе ощущается рука человѣка, могущество котораго преобразовало природу; тутъ виднѣются доки, амбары, элинги, верфи, жилые дома, груды матеріаловъ и товаровъ; на право разбираютъ желѣзныя оставы церкви, которую отвозятъ въ Индію. Наконецъ удивленіе начинается васъ тяготить. Отъ Гринича рѣка походитъ на улицу, шириною въ милю или болѣе, по которой снуютъ взадъ и впередъ корабли между двумя нескончаемыми рядами построекъ темнокраснаго цвѣта изъ черепицы и кирпича, окаймленныхъ большими сваями, вбитыми въ илъ, для причаливанія кораблей, которые приходятъ сюда для нагрузки и выгрузки. Всюду амбары для мѣди, камня, каменнаго угля, снастей и т. д.; всюду таскаютъ тюки, поднимаютъ мѣшки, катятъ бочки. Всюду скрипятъ журавли и ворота. Море достигаетъ Лондона посредствомъ рѣки; это морской портъ среди континента. Товары изъ Нью-Йорка, Мельбурна, Канта, Калькуты пристають здѣсь прямо безъ перегрузки. Но ваше изумленіе доходитъ до зенита при видѣ каналовъ, по которымъ доки выходятъ въ открытое море; они образуютъ поперечныя улицы, но это улицы для кораблей; они вдругъ представляются вамъ въ нескончаемой перспективѣ; изъ Гринича горизонтъ весь покрытъ безчисленными мачтами и снастями, которыя окружаютъ точно паутиной все небо. Это конечно одно изъ величайшихъ зрѣлищъ земнаго шара; чтобъ увидать такое множество построекъ, людей, кораблей и дѣлъ, скупенныхъ въ одно мѣсто, надо ѣхать въ Китай.

Къ востоку на рѣкѣ возвышается цѣлый лѣсъ снастей, мачтъ и парусовъ; это корабли, которые приходятъ, отходятъ или стоятъ, сначала группами, потомъ длинными рядами и наконецъ безконечной массой, смѣшанные съ трубами домовъ, съ блоками амбаровъ и движимые непрерывнымъ, правильнымъ, гигантскимъ трудомъ. Дымъ и туманъ, пронизанные свѣтомъ, окружаютъ ихъ; солнце съѣтъ свой золотистый дождь, а сладковатая вода, съ

желтымъ, зеленымъ и фіолетовымъ оттѣнками тихо переливается въ своихъ нѣдрахъ блестящіе и странные отблески. Воздухъ кажется тяжелымъ, закоптѣлымъ, какъ въ оранжереѣ. Ничего здѣсь не естественно, все передѣлано, измѣнено, начиная отъ почвы и человѣка, до свѣта и воздуха. Но громадность скученія и колоссальность человѣческаго творчества не допускаютъ мысли объ изуродованіи и искусственности; за недостаткомъ благородной, естественной красоты, остается кипящая, грандіозная жизнь; переливы темныхъ волнъ, мерцаніе свѣта въ туманѣ, мягкія, бѣловатыя или розовыя тѣни, осѣняющія этихъ колосовъ, придаютъ какую-то грацію чудовищному городу, что-то въ родѣ улыбки на лицѣ взъерошеннаго, чернаго циклопа.

Первыя недѣли.

Воскресенье въ Лондонѣ, въ дождливое время, лавки заперты, улицы почти пусты; весь городъ похожъ на огромное, приличное кладбище. На пустынныхъ скверахъ и улицахъ рѣдкіе прохожіе кажутся безпечными призраками, возвращающимися съ того свѣта; это ужасно!

Я не имѣлъ никакого понятія о подобномъ зрѣлищѣ, а говорятъ, что оно обычное въ Лондонѣ. Маленькій, мелкій, безжалостный дождь кажется продолжится на вѣки; ноги скользятъ, вездѣ вода грязная, пропитанная запахомъ сажи. Желтоватый, густой туманъ наполняетъ воздухъ и стелется по землѣ; въ тридцати шагахъ домъ или пароходъ кажется пятномъ на протечной бумагѣ. Проходивъ съ часъ по Странду и остальной части Спти, получаешь непремѣнно силлинъ и начинаешь понимать самоубійство. Высокіе, ровные фасады домовъ выстроены изъ темнаго кирпича и пропитаны туманомъ и сажей. Всюду однообразие и тишина; но надписи на мѣдныхъ и мраморныхъ досочкахъ свидѣлствуютъ объ отсутствующемъ хозяинѣ, какъ на фабрикахъ, закрытыхъ по причинѣ смерти фабриканта.

По всего ужаснѣе громадный дворецъ въ Страндѣ, иввѣстный подъ названіемъ Somerset House. Массивное и тяжелое зданіе, всѣ углубленія словно замазаны чернилами, а портики сажей,

среди пустаго двора, съ ямъ, что-то похожее на фонтанъ безъ воды, лужи на плитахъ; смотря на длинныя ряды запертыхъ оконъ, невольно спрашиваемъ себя что могутъ они дѣлать въ этихъ катакомбахъ. Даже и въ паркахъ угольный, сипеватый туманъ словно загрязнилъ зеленую листву. Но грустиѣ всего видѣть колонпады, перестили, греческія украшенія и изваянныя гирлянды, покрытыя сажей; бѣдная классическая архитектура зачѣмъ она попала въ такой климатъ! На фасадахъ Британскаго музея борты колоннъ такъ заплепы, какъ будто ихъ облили жидкой грязью. Въ Церкви Св. Павла, нѣчто въ родѣ Пантеона, нижній рядъ колоннъ совсѣмъ черный, а верхній только что выскобленный, мозолитъ глаза своей бѣлизной, хотя уже и на нее угольный дымъ успѣлъ наложить свою печать.

Эти мрачныя пятна составляютъ какъ бы гной камня. А нагія статуи воспоминаніе Греціи! Велингтонъ изображенъ сражающимся геросомъ, голымъ, въ паркѣ подъ деревьями, съ которыхъ течетъ ручьи вода! Отвратительный Нельсонъ, на колоннѣ, съ канатомъ въ родѣ хвоста, походитъ на крысу, посаженную на колъ. Всякая форма всякая классическая идея здѣсь принимаетъ противоположный смыслъ. Подобное болото—мѣсто изгнанія для древняго искусства. Когда римляне высадились сюда, они вѣрно подумали, что очутились въ Гомеровскомъ адѣ, въ странѣ киммерійцевъ. Здѣсь нѣтъ того огромнаго пространства, которое на югѣ отдѣляетъ землю отъ неба; здѣсь нѣтъ воздуха, только одинъ нескончаемый туманъ; въ этомъ синеватомъ дымѣ, всѣ предметы кажутся неясными призраками; природа походитъ на дурно набросанный карандашемъ рисунокъ, который размазали рукавомъ. Я только что провелъ полчаса на Ватерловскомъ мосту; зданіе Парламента неясное, блѣдное, кажется издали лѣсами; ничего не видно опредѣленнаго, рѣзкаго, а главное нѣтъ ничего живаго, кромѣ маленькихъ пароходовъ, которые снуютъ по рѣкѣ точно черныя, закоптѣлыя, неутомимыя насѣкомыя; смотря на сидящихся и выходящихъ пассажировъ, грекъ вѣрно подумалъ бы, что онъ находится на Стикси. Онъ нашелъ бы, что жизнь здѣсь не жизнь; дѣйствительно здѣсь живутъ иначе чѣмъ въ Греціи. Идеаль перемѣнился съ климатомъ. Душа удаляется изъ внѣшняго міра, входитъ сама въ себя, создаетъ себѣ новый міръ. Здѣсь надо имѣть домашній очагъ, хорошо устроенное жилище, клубы, асоціаціи,

много дѣлать, большое количество религіозныхъ и нравственныхъ занятій; главное же не надо предаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ и грустнымъ вліяніямъ враждебной природы и восполнять пустоту, которую такъ легко занимаетъ меланхолія и скука. Вся недѣля занята работой усидчивой, прилежной, благодаря которой обезпечиваешь себя отъ невзгодъ. Но что дѣлать въ день отдыха? кабаки или церковь, пьянство или проповѣдь, нѣтъ другаго выбора; такимъ-то образомъ сосредоточиваясь въ своихъ мысляхъ, или напротивъ, доходя до безсознательнаго положенія, развлекаешься, забываешься. Во многихъ кабакахъ двери полуоткрыты; тупыя, бессмысленныя лица выходятъ оттуда. Лучше отправимся въ церковь.

Я посѣтилъ четыре церкви и слышалъ двѣ проповѣди, изъ которыхъ первую въ диссидентской церкви въ Страндѣ. Это обнаженное, хладное зданіе, безъ всякихъ украшеній, кромѣ двухъ аллегорическихъ фігуръ на задней стѣнѣ; оно уставлено большими деревянными скамьями, спинки которыхъ доходятъ почти до головы сидящихъ. Не простой народъ наполняетъ эти церкви, но приличные люди средняго сословія, чисто одѣтыя, съ серьезнымъ и умнымъ выраженіемъ лица. Они приходятъ за пастишъ нравственными совѣтами и утвердить свои принципы. Проповѣдникъ избралъ слѣдующій текстъ:—«Единъ духъ, едина душа!» и вслѣдствіе этого онъ совѣтуетъ слушателямъ быть твердыми въ своихъ принципахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчными съ ближними. Хорошая проповѣдь, немного обыкновенная, но основательная; читая столь многочисленныя въ англійской литературѣ очерки и «маленькія правоученія» въ *Saturday Review*, легко убѣдиться, что англичанамъ общія мѣста еще не надоѣли; вѣроятно они считаютъ правоученіе предметомъ не любопытства, а обычнаго, ежедневнаго, особливо воскреснаго употребленія.

На полочкахъ, придѣланныхъ къ спинкамъ скамеекъ лежатъ книга псалмовъ и молитвенникъ (*Common Prayer Book*). Эта послѣдняя книга отличается вдохновеніемъ и нѣкоторой лирической грандіозностью, во вкусъ Мильтона, безъ нѣжныхъ изліяній какъ въ *Imitation*, или напыщенной сентиментальности нашихъ духовныхъ книгъ; всюду величественный, страстный, мѣстами лирическій тонъ; англиканская литургія составлена въ эпоху возражденія и сохраняетъ отпечатокъ того времени. Замѣчательно,

что происхожденіе каждой молитвы объясняется въ примѣчаніяхъ; одна молитва составлена въ шестомъ вѣкѣ, другая взята изъ апокрифовъ, но сохранена въ виду ея вдохновеннаго величія. Подобными замѣтками вѣрующій знакомится съ критической исторіей религій; взгляните на проповѣди Тилотсона и Баро, жившихъ во времена Босюэта; въ нихъ всюду греческіе тексты и грамматическіе замѣчанія. Со временемъ это приведетъ къ пѣмецкой эклекикѣ.

Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ великолѣпная церковь, чудной готической архитектуры, которая одна подходитъ къ климату; необходимъ весь этотъ безпорядокъ формъ, все эти толпія, переплетшіяся линіи, все это безчисленное количество пѣжныхъ изваяній, чтобъ наполнить туманный воздухъ и заселить мрачную пустоту. Я бродилъ тамъ долго, разсматривая надгробные памятники, иные граціозной скульптуры восемнадцатаго вѣка, другіе нашего времени, холодные, педантичныя; вдругъ раздалось пѣніе, не однотонныхъ псалмовъ, образное гнусливое растягиваніе на распѣвъ вопросовъ и отвѣтовъ, но вѣчно прекрасныя хоры и благородныя речитативы, мелодическая гармонія которыхъ свидѣтельствуетъ о лучшей эпохѣ музыкальнаго искусства. Потомъ, послѣ чтенія Священнаго Писанія, органъ и пѣніе, дѣтскіе и басовые голоса, начинаютъ снова полный и богатый хоръ. Вся эта мелодія—достойный аккомпаниментъ псалмовъ и молитвамъ, которыя я сейчасъ прочелъ. Понятое такимъ образомъ богослуженіе является опорой для возвышенныхъ, серьезно вѣрующихъ душъ. Это чрезвычайно важно; надо чтобъ у народа церковь и богослуженіе шли въ уровень съ чувствами не только толпы и невѣждъ, но и высшихъ избранныхъ умовъ.

Передъ обѣдомъ я посѣтилъ двѣ другія церкви. Здѣсь также пѣніе прекрасное и достаточный средній классъ наполняетъ скамьи. Все хорошо одѣтая публика, столько же мужчинъ, сколько женщинъ и много джентльменовъ; это не собраніе женщинъ, дряхлыхъ стариковъ, служанокъ и простаго народа, какъ у насъ въ церквахъ. Изъ трехъ пасторовъ, которыхъ я видѣлъ, я съ однимъ говорилъ; это человѣкъ приличный, полный достоинства, на взглядъ, полу-профессоръ и полу-судья. Другой походитъ на парижскаго нотаріуса зрѣлыхъ лѣтъ, который принимаетъ на себя сантиментальный видъ и тихій голосъ при подпискѣ свадебнаго контракта. Я видѣлъ еще другихъ пасторовъ въ прошломъ году въ Лондонѣ и въ деревняхъ. По ихъ полумантіямъ и по тону, съ которымъ